

## РОЛЕВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАКОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Основная сюжетная линия романа «Мастер и Маргарита» движется, как известно, историей четырехсуточных гастролей «нечистой силы» в лице Воланда и его свиты. Воланд и его окружение являются, по сути, представителями метафизического мира, носителями той трансцендентной силы, которая находится за пределами обыденного и научного сознания и понимания. Общение с этой силой выходит за рамки привычной коммуникации людей, поскольку Воланд и его свита, с одной стороны, являются реальными коммуникантами, а с другой – обладают сверхъестественными способностями, которые и проявляют в конкретных коммуникативных ситуациях. Особенностью таких ситуаций служит то, что в них чаще всего сталкивается метафизическое сознание с обыденным и/или научным сознанием. По специфике сознания в ведущем сюжете романа можно выделить три основных типа ролей, в которых выступают его персонажи.

**1. Роли «нечистой силы».** Их играют Воланд и его свита, выступающие носителями трансцендентного, метафизического сознания. Оно находится за порогом адекватного понимания обыденным и научным сознанием, стоит выше их и в силу этого ставит в неравное положение общение с ним носителей другого сознания. Суть этого неравенства заключается, с одной стороны, в том, что «нечистой силе» открыта та истина, которая недоступна обычным людям. С другой стороны, Воланд и его свита обладают запредельными возможностями в реальном, физическом мире. Они могут свободно перемещаться в пространстве и времени, перебрасывать человека из одной точки пространства в другую, манипулировать сознанием людей и подчинять их волю, вынуждая тех совершать странные поступки, проделывать различные «фокусы» с человеческим телом и т.д. и т.п. В силу этого «нечистая сила» выводит коммуникацию за границы привычного физического мира, расширяя ее до метафизических пределов. Главная содержательная особенность метакоммуникативной организации дискурса в романе «Мастер и Маргарита» как раз и заключается в оппозитивном столкновении двух начал – физического и метафизического, добра и зла, греха и воздаяния, веры и атеизма, земного и небесного.

**2. Роли обывателей.** Они являются в романе носителями, прежде всего, обыденного сознания. Представленный в романе обыватель 20 – 30 гг. XX века (в основном московский) склонен верить власти и принимать ее объяснение происходящих в романе событий. В то же время он верит и распространяемым слухам, допускает возможность проделок «нечистой

силы», тем более что слухи базируются на фактах, отмахнуться от которых без объяснений никак нельзя. Эта двойственность сознания обывателя с его одновременной верой в «нечистую силу» и ее возможности и верой в официальные, «научные» объяснения событий ярко демонстрируется в эпилоге романа. С одной стороны, обыватели пытаются сами бороться с «нечистой силой», истребляя черных котов, а с другой – считают, что это прерогатива власти (уж та разберется!), доставляя котов, иногда в сильно изуродованном виде, в отделения милиции в разных городах.

Особо в романе стоят обыватели, которые входили в непосредственный контакт с «нечистой силой». Большинство из них становятся «жертвами» Воланда и его свиты. Фактически здесь возникает оппозиция ролей, которую условно можно назвать «палачи и жертвы», несмотря на то, что возмездие, настигающее «жертв», в большинстве случаев справедливое (воздается по делам их). Метафизический статус «нечистой силы» предопределяет еще одну особенность возникающих коммуникативных ситуаций. «Нечистая сила» практически всегда появляется перед обывателем неожиданно, хотя и пытается потом дать рациональное объяснение своему появлению в том или ином месте. Несмотря на такие попытки, обыватель ощущает как алогичность ее появления, так и странности, нестыковки происходящего, которые вызывают в нем чувство тревоги, дискомфорта.

**3. Роли представителей власти и «наиболее развитых и культурных людей» (М. Булгаков).** Это носители официальной, научной точки зрения на происходящие в романе события. «Культурные» люди, как и представители власти, никакого участия в рассказах о «нечистой силе» не принимают, смеются над ними, и пытаются рассказчиков образумить. Носителями научного мировоззрения выступают уже на первых страницах романа «культурные» литераторы Берлиоз и Бездомный, пытающиеся образумить Воланда с его странными речами на Патриарших прудах и одновременно продемонстрировать ему превосходство научного, атеистического мировоззрения. Такую же попытку предпринимает и председатель акустической комиссии московских театров Аркадий Аполлонович Семплеяров, призывающий в Варьете Фагота незамедлительно разоблачить перед зрителями технику его фокусов и возвратить конференсье на сцену. В эпилоге романа точка зрения «наиболее развитых и культурных людей» совпадает с официальной: работала шайка гипнотизеров и чревоушателей. Естественно, что рациональное, логическое объяснение происходящим в Москве событиям, связанным с «нечистой силой», ищет следствие. При этом в окончательной «научной» трактовке произошедших в Москве событий факты, не поддающиеся объяснению, подтасовываются или исчезают, как, например, не обнаружилось в делах ни одной копии телеграмм, которые угрозыск Ялты слал в Москву насчет Степы Лиходеева.

Особая роль в контактах с «нечистой силой» принадлежит в романе Маргарите. Уже после первого общения в Александровском саду с Азазелло

она готова сотрудничать с этой силой, лишь бы получить возможность встречи с Мастером: *Нет, погодите... я знаю, на что иду. Но иду на все из-за него, потому что ни на что в мире больше надежды у меня нет. Но я хочу вам сказать, что, если вы меня погубите, вам будет стыдно! Да, стыдно! Я погибаю из-за любви!* – и, стукнув себя в грудь, Маргарита глянула на солнце [1, с. 186]. В этом эмоциональном монологе и объяснение своего решения на встречу «с иностранцем», и страх быть обманутой, и надежда.

Возникающие во время контакта с «нечистой силой» коммуникативные ситуации различны. Эти различия обуславливаются социальным положением персонажей, характером коммуникативного события и другими факторами. Однако почти во всех случаях каждая ситуация представлена неравноправным статусом коммуникантов. Обыватель по своему коммуникативному статусу всегда ниже, чем представитель «нечистой силы», поскольку последний может свободно манипулировать сознанием обывателя, знает о нем все, и может проделать с ним при желании все, что хочет.

Еще одной приметной структурной особенностью ряда коммуникативных ситуаций при общении с «нечистой силой» является их контрастность. Как правило, начало коммуникативного события развивается по принципу кооперации, а в конце неожиданным для коммуниканта образом заканчивается конфронтацией. Одним из ярких примеров – выдворение Степы Лиходеева из квартиры № 50. Начало события – в квартире невеста откуда появляется Воланд. При этом он сама учтивость и любезность. Воланд улыбочиво рассыпается перед Степой, «вникает» в его тяжелое похмельное состояние, предлагает водку и закуски как единственное средство облегчить это состояние, предупредительно растолковывает Степе все странности происходящего. Желание Воланда быть вежливым, предупредительным и заботливым отражается в его интонациях, лексике, мимике: *симпатичнейший Степан Богданович; дорогой Степан Богданович; дразжайший Степан Богданович; эст и я!; ни слова больше!; с удовольствием!; благодарствуйте; я надеюсь; о, конечно, конечно!; о, какой вздор!; пожалуйста, пожалуйста; дружелюбно усмехнулся; неизвестный улыбнулся; проницательно улыбаясь и др.* Степа следует за его волей и логикой, стараясь, насколько это возможно в его состоянии, также быть любезным и учтивым, и в рамках этой парадигмы разрешить все возникающие в его мозгу нестыковки происходящего.

Ситуация резко меняется, когда в спальне неожиданно появляется компания, среди которой оказывается «*жутких размеров черный кот со стопкой водки в одной лапе и вилок, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой*» [1, с. 70]. Воланд объявляет, что квартира нужна ему и свите, а Степа здесь лишний. Такой неожиданный «кукиш» от любезного Воланда уже сам по себе способен привести в смятение. Но когда Степа видит, что кот выпивает водки, то его рука «*ползет по притолоке вниз*». Свита меняет характер общения со Степой с учтиво любезного,

продемонстрированного Воландом, на «разоблачительный» с соответствующим набором языковых средств: *они в последнее время жутко свинячат; пьянствуют, вступают в связи с женищинами; ни черта не делают; ничего не смыслят в том, что им поручено; машину гоняют казенную; начальству втирают очки; он такой же директор, как я архиерей; козлиным голосом запел длинный клетчатый; наябедничал и кот; прогнусавил рыжий; вдруг рывкнул кот и др.* В итоге, как известно, Лиходеев оказывается в Ялте на берегу моря.

«Разоблачение» может быть отложенным по времени и исполнителям, то есть произойти не в момент контакта с «нечистой силой», а позднее и произведено другими людьми, чаще всего представителями «карающих» органов. Так, например, происходит с председателем жилищного товарищества дома № 302-бис по Садовой улице Никанором Ивановичем Босым, который хлопотами Коровьева оказывается уличенным «официальными лицами» в хранении валюты в сортире.

Метафизический статус свиты Воланда, знание ими всего о том или ином конкретном человеке обуславливает то, что в большинстве случаев ее представители в общении с людьми бывают до приторности предупредительны и любезны. Зачастую они ёрничают, когда тот или иной коммуникант пытается подать себя как важную и значительную официальную или просто порядочную персону. Тут взгляды «нечистой силы» и того или иного коммуниканта на важность, значительность, официальность и порядочность расходятся, как, например у Босого и Коровьева: *Эх, Никанор Иванович! – задумчиво воскликнул неизвестный. – Что такое официальное или неофициальное? Все это зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет, все это, Никанор Иванович, условно и зыбко. Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А бывает и наоборот, Никанор Иванович. И еще как бывает!* [1, с. 80]. Учтивость же и любезность представителям «нечистой силы» нужна для того, чтобы «вести в заблуждение» противника и легчайшим образом добиться нужного результата.

Так, например, развивается ситуация общения Коровьева с председателем жилищного товарищества Босым, когда тот посещает квартиру № 50. Естественно, что Босой в разговоре с Коровьевым, который неожиданно для Никанора Ивановича почему-то оказывается в опечатанном кабинете, позиционирует себя как официальное лицо. Соответственно ситуации Босой задает резонные вопросы: *Я извиняюсь, – заговорил он подозрительно, – вы кто такой будете? Вы – лицо официальное?* [1, с. 80]. После душевного изложения Коровьевым своих взглядов на официальность и неофициальность Никанор Иванович приходит к выводу, что *«разглагольствующий перед ним гражданин – лицо именно неофициальное, а пожалуй, и праздное»*. Как лицо официальное, он суровее: *Да кто вы такой будете? Как ваша фамилия? – все суровее спрашивал*

*председатель и даже стал наступать на неизвестного [1, с. 80]. Коровьев не смущается суровостью председателя, называет ему свою фамилию, оставаясь все таким же «задушевным» и любезным: Да не хотите ли закусить, Никанор Иванович? Без церемоний? А? [1, с. 80]. Такое предложение неофициального и даже праздного лица лицу официальному приводит председателя в негодование: Я извиняюсь, – уже негодую, заговорил Никанор Иванович, – какие тут закуски! – На половине покойника сидеть не разрешается! Вы что здесь делаете? В ответ на грубость Босого Коровьев начинает ёрничать: Да вы присаживайтесь, Никанор Иванович, – нисколько не теряясь, орал гражданин и начал юлить, предлагая председателю кресло.*

*Совершенно освирепев, Никанор Иванович отверг кресло и завопил:*

- Да кто вы такой?*
- Я, изволите ли видеть, состою переводчиком при особе иностранца, имеющего резиденцию в этой квартире, – отрекомендовался назвавший себя Корсвёвым и щелкнул каблуком рыжего нечищенного ботинка [1, с. 80 – 81].*

Упоминание об иностранце в социально политической ситуации того времени переводит общение в другую фазу. Напряжение спадает, требуются объяснения (не наломать бы дров!), которые охотно дает Коровьев. С его стороны тональность общения остается не только приторно любезной, но и становится дружески доверительной (мы-то с вами знаем, кто такие иностранцы!), что проявляется в использовании им соответствующей лексики и невербальных средств: *Говорю вам, капризен, как черт знает что! – зашептал Коровьев, – ну не желает! Не любит он гостиниц! Вот они где у меня сидят, эти интуристы! – интимно пожаловался Коровьев, тыча пальцем в свою жилистую шею, – верите ли, всю душу вымотали! Приедет... и или шпионит, как последний сукин сын, или же капризами все нервы вымотает. И то ему не так, и это не так!.. А вашему товариществу, Никанор Иванович, полнейшая выгода и очевидный профит. А за деньгами он не постоит, – Коровьев оглянулся, а затем шепнул на ухо председателю: - миллионер! [1, с. 82].*

«Разоблачение» официального лица Коровьев не производит. Но по его наводке таковое производят уже несколько позднее другие официальные лица с соответствующими «документиками», обвинив Босого в спекуляции валютой.

Характерной чертой диалогов «нечистой силы» с обывателями является их эмоциональный характер, который задают представители «нечистой силы», демонстрируя повышенную учтивость, любезность, предупредительность и заботливость. Отсюда большое количество восклицательных предложений в таких диалогах. Даже достаточно сдержанный Воланд в рассмотренном выше диалоге со Степой Лиходеевым демонстрирует изрядную эмоциональность, о чем свидетельствует

следующая статистика произнесенных им в диалоге предложений: повествовательных – 16, восклицательных – 13, вопросительных – 4. Коровьев в диалоге с Босым оказывается более эмоциональным, чем Воланд: восклицательных предложений произнесено Коровьевым 27, повествовательных – 14, вопросительных – 10.

Эмоциональность диалогов отражается в лексике и фразеологии персонажей (*симпатичнейший, дорогой, дражайший, дорогой наш друг, сволочь, склочник, приспособленец, подхалим, втирают очки, не лезет в голову, черт знает что* и др.), сопутствующих невербальных средствах, фиксируемых в авторской речи (*остановился в изумлении, вздрогнул, стал наступать, щелкнул каблуком, открыл рот, тупо глядя, замахал руками, тыча пальцем, воровски подмигнул, растерянно ухмыльнувшись, лихо выписал, метнул взгляд, густо покраснел, стал отпихивать, прошептал и оглянулся* и др.).

Характер общения «нечистой силы» с Маргаритой иной, чем с другими обывателями. Он определяется тем, что Воланд хочет сделать ее королевой своего бала. Поэтому обходительность и учтивость, проявляемая «нечистой силой» в отношениях с ней, не притворная, а естественная, настоящая. Тем не менее уже первое общение Маргариты с представителем «нечистой силы» достаточно эмоциональное. Об этом свидетельствуют количественные подсчеты типов предложений, представленные в таблице.

Таблица

| Персонаж  | Типы предложений  |                 |                |
|-----------|-------------------|-----------------|----------------|
|           | Повествовательные | Восклицательные | Вопросительные |
| Маргарита | 24                | 12              | 26             |
| Азазелло  | 45                | 16              | 5              |

Та эмоциональность, которую проявляет Азазелло при первой встрече с ней, вызывается, прежде всего, ее настороженным отношением к незнакомцу. Азазелло в ответ пытается убедить ее в искренности и честности своих намерений, что требует проявления определенных чувств. Трудность этой задачи, по мнению самого Азазелло, состоит в том, что Маргарита – женщина: *Трудный народ эти женщины! Он засунул руки в карманы и далеко вперед вытянул ноги, – зачем, например, меня послали по этому делу? Пусть бы ездил Бегемот, он обаятельный...* [1, с. 82].

Эмоциональность Маргариты несколько иная, чем у Азазелло. Она связана с ее любовью к Мастеру. *Боже!; Еду!; еду куда угодно!; вы поманили меня словами о нем!; Я погибаю из-за любви!* – вот основная эмоциональная тема Маргариты в диалоге с Азазелло. Как видно из таблицы,

преобладающими в общении с Азazelло у Маргариты являются вопросительные предложения. Это закономерно, поскольку, в отличие от Азazelло, который знает о Маргарите все, она ничего не знает о незнакомце и его намерениях. В ответ на ее вопросы Азazelло приходится в основном «повествовать» – отсюда преобладание повествовательных предложений в его речи. «Повествование» Маргариты представлено в основном в ее эмоциональных монологах о ее любви к Мастеру и готовности на все ради этой любви. Немногочисленные вопросы Азazelло связаны с уточнениями, касающимися согласия Маргариты на встречу «с иностранцем».

Общая «напряженность» анализируемой коммуникативной ситуации ярко демонстрируется разнообразием и «напряжением» речевых действий: *спросила Маргарита; объяснил рыжий; развязно ответил рыжий; невольно спросила Маргарита; вдруг воскликнула она; ответил рыжий; голос ее стал глух; сквозь зубы ответила Маргарита; сухо сказала Маргарита; сказал таинственно; значительно сказал рыжий; обидевшись, воскликнул рыжий; проворчал рыжий и заговорил громче; молча шепнула Маргарита; неохотно отозвался Азazelло; бормотала покорная теперь Маргарита; сказал сурово; вкрадчиво спросила Маргарита; покорно замолчала; сказала Маргарита задумчиво; в смятении воскликнула Маргарита; шепнул многозначительно; с силой воскликнула Маргарита; заговорил иронически; почти зашипел Азazelло; в злобе зашипел Азazelло; вдруг заорал Азazelло и др.*

Общий «напряженный» тон коммуникации создается и невербальными средствами, прежде всего, мимикой и жестами коммуникантов: *вглядываясь в неожиданного соседа; вдруг оскалилась; щурясь, спросила Маргарита; улыбаясь, заговорил рыжий; побледнела и отшатнулась; оглянулся и сказал таинственно; прищурил глаз; поднимаясь, чтобы уходить; обидевшись, проворчал в спину уходящей Маргарите; побелев лицом; глядел, прищурившись; страдальчески сморщилась; невесело усмехнулась; рожу Азazelло перекосило смехом; криво и жалко улыбаясь; гримасничая, отозвался Азazelло; Маргарита вспыхнула; стукнув себя в грудь; вылупив глаза и др.*

Таким образом, метакоммуникативное пространство романа «Мастер и Маргарита» характеризуется оппозитивным столкновением двух начал – физического и метафизического, добра и зла, греха и воздаяния, веры и атеизма, земного и небесного. По специфике сознания персонажей романа выделяются три основных типа выполняемых ими ролей: роли «нечистой силы», роли обывателей, роли представителей власти и «наиболее развитых и культурных людей». Структурной особенностью ролевой организации коммуникативного пространства выступает, прежде всего, неравноправный статус носителей ролей: «нечистая сила» как представитель метафизического мира по своим возможностям оказывается выше других участников коммуникации.

Коммуникативные ситуации с участием «нечистой силы» отличаются, как правило, контрастностью своей содержательной структуры – кооперативностью в начале и конфронтационностью в конце. Для обывателей общение с «нечистой силой» почти всегда имеет подтекст загадочности, странности, алогичности, различного рода нестыковок. При этом в большинстве случаев все ситуации характеризуются напряженностью и эмоциональностью, что находит свое отражение в языке романа (наличие большого количества вопросительных и восклицательных предложений, эмоционально окрашенной лексики и фразеологии, полифония интонаций), а также сопутствующих невербальных средств – мимики и жестов.

#### **Литература**

1. Булгаков, М.А. Избранное / М.А. Булгаков. Избранное: Роман «Мастер и Маргарита»; Рассказы. – М., 1982.
2. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. 5-е изд. – М., 2008.